

Верующие с радостью встречали основные христианские праздники: Пасху и Рождество. По случаю Пасхальных торжеств, все хозяйки обязательно выпекали куличи с изюмом и готовили творожную пасху с добавлением мака и тертого грецкого ореха. Особым весенним блюдом были выпеченные «птички» (мелкие дрожжевые булочки, по форме напоминающие птичек).

На Рождество готовили холодец, колбасы, запекали молочного поросенка с гречневой кашей или картофелем, а также запекали свиной окорок в тесте. Мясо предварительно натирали чесноком с солью, перцем и корицей, шпиговали кусочками моркови и чеснока, а пресное тесто замешивали из муки и воды [5, с. 62–63].

Каждая крестьянская семья обязательно делала заготовки продуктов на зиму. В больших кадушках солили огурцы и помидоры, квасили капусту, мочили яблоки и терн. Обязательно сушили яблоки и груши, липовый цвет и листья малины для приготовления душистых витаминных напитков. В зажиточных семьях варили варенье из яблок с рябиной и из малины. В казачьих станицах заготавливали впрок свиное сало, причем не только холодным, но и горячим способом, отваривая сало в подсоленной воде с луковой шелухой. Украинцы подавали сало к столу как самостоятельное блюдо. А также, в казачьих семьях использовали сало для жарки в борщ или в пшеничную кашу (это блюдо называли кулэш).

Итак, изучив данные Отчетов историко-этнографических экспедиций, мы убедились, что собранная информация дает нам возможность достаточно подробно восстановить традиционный рацион питания славян-переселенцев, живших на Ставрополье в XIX – начале XX вв. Отчеты экспедиций – это важный исторический источник, который сохраняет в зафиксированном виде традиции и пищевые предпочтения жителей ставропольских сел и станиц.

Каждая пищевая традиция имеет свои особенности, свои базовые блюда, которые являются основой питания того или иного народа. С давних времен такими базовыми для славян были хлеб и щи. Процесс переселения не повлиял на это. Но, со временем, даже в системе питания, которая считается наиболее консервативным аспектом материальной культуры, стали происходить некоторые изменения.

В конце XVIII в., с широким распространением в России картофеля, щи трансформировались в борщ (в этом блюде картофель вытеснил репу, свекла вытеснила брюкву, кроме того, добавилась томатная заправка).

Под влиянием народов Кавказа, славяне-переселенцы стали добавлять в борщ чеснок, укроп и петрушку. А в русских селах, под влиянием украинской традиции в борщ стали добавлять фасоль и сало.

В целом, система питания славян, переселившихся на Ставрополье, стала своеобразным смешением традиций всех восточнославянских кухонь, а также она впитала в себя и некоторые пищевые традиции северокавказского населения.

1. Край наш Ставрополье: очерки истории / под ред. Д. В. Кочуры, В. П. Невской. – Ставрополь : Шат-гора, 1999. – 528 с.
2. Назарова, И. М. Дневник историко-этнографической экспедиции СГМЗ в станицу Старопавловскую Кировского района Ставропольского края (рукопись) / И. М. Назарова, А. Б. Гордиенко. – Ставрополь, 2013. – 18 с.
3. Невская Т. А. Ставропольские крестьяне: очерки хозяйства, культуры и быта / Т. А. Невская, С. А. Чекменев. – Петригорск : ТОО «КИНТ», 1994. – 164 с.
4. Ставропольский государственный историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе (СГМЗ).
5. Оф. 33645. Отчет о работе историко-этнографической экспедиции Ставропольского государственного краеведческого музея имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе в станице Темнолесской Шпаковского района Ставропольского края / Сачук С. С. // СГМЗ. – Ставрополь, 2003. – 140 с.
6. Оф. 35201. Отчет о работе комплексной естественно-научной и историко-этнографической экспедиции Ставропольского государственного краеведческого музея имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе в селе Гофицком Петровского района Ставропольского края / Сачук С. С. // СГМЗ. – Ставрополь, 2005. – 230 с.
7. Оф. 37342. Отчет о работе историко-этнографической экспедиции Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Пправе в станице Боргустанской Предгорного района Ставропольского края / Лабур В. Н., Савенко С. Н. // СГМЗ. – Ставрополь, 2008. – 198 с.

Никитин Д. С.

АНГЛО-ИНДИЙСКИЕ МЕМУАРЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ИНДИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОНГРЕССА (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)

Вторая половина XIX в. в Британской Индии стала временем бурного роста патриотических общественно-политических ассоциаций. Возникший в 1885 г. Индийский национальный конгресс (ИНК), объединив в своих рядах лидеров ассоциаций со всех концов страны, стал крупнейшей организацией, которая выражала требования формирующейся национальной буржуазии и интеллигенции. В Индии, с ее этническим и конфессиональным разнообразием, одной из ключевых задач Конгресса стало привлечение к своей работе представителей разных народов, религиозных

общин и социальных слоев. Конец 1880-х гг. ознаменовался активной борьбой за участие в деятельности ИНК крупнейшего религиозного меньшинства страны – индийских мусульман, однако не менее важным было и установление прочных связей с англо-индийским сообществом – относительно малочисленным, но игравшем в жизни страны особую роль.

До переписи населения 1911 г. термин «англо-индийцы» применялся в отношении всех англичан, рожденных в Индии или живших там постоянно. Таким образом, в эту категорию входили как многочисленные чиновники колониального управленческого аппарата, так и английские плантаторы, торговцы, преподаватели университетов и колледжей, представители англиканской и других христианских церквей. В сравнении с индийцами, эта часть населения занимала более привилегированное положение, поэтому, хотя англо-индийцы и внесли большой вклад в становление и развитие ИНК в первые годы его деятельности, в массе своей англо-индийское сообщество было консервативным и настроено относительно негативно по отношению к формирующемуся национальному движению в стране.

Формирование корпуса английских мемуаров о жизни в Индии началось одновременно с покорением субконтинента Британской Ост-Индской компанией. В своем исследовании литературы Британской Индии Я. Буда отмечал, что «в эпоху, когда писать мемуары после выхода на пенсию было почти обязательным, государственные служащие, судьи и генералы британского Раджа оставили после себя наследие остроумия и эрудиции» [1]. Главной темой середины XIX в. был «Великий Мятеж» 1857 г., но бурные события общественной жизни 1880-х гг., не исключая и деятельности ИНК, также нашли отражение в англо-индийских мемуарах.

Так, дискуссия вокруг законопроекта Илберта 1883 г., который предполагал наделить индийских судей правом судить европейцев и потому вызвал ожесточенные споры как в Индии, так и в Англии, подробно описана в воспоминаниях Э. Ч. Кокса – служащего полиции из Бомбея. Этот законопроект, ставший стимулом к объединению патриотических сил в Индии, по мнению Кокса, «причинил бесконечный вред» [2, р. 89], тогда как официальное признание «самопровозглашенного» ИНК стало «другой серьезной ошибкой» [2, р. 89]. В отношении Конгресса Кокс занимал широко распространяемую в англо-индийских кругах позицию – он считал, что ИНК не может выражать мнение всего индийского народа, поскольку представляет только «образованные классы индусов», тогда как «мусульмане отказываются иметь какое-либо отношение к Конгрессу» [2, р. 90]. Этот взгляд на ИНК начал формироваться едва ли не сразу после возникновения Конгресса, его разделяла мусульманская оппозиция ИНК во главе с Саидом Ахмад-ханом, поддерживаемая вице-губернатором Северо-Западных провинций и Ауда О. Колвином. Кокс также отмечал, что не все сторонники ИНК были «экстремистами» [2, р. 65], но полагал, что правительству следовало игнорировать существование Конгресса «как представительного органа», поскольку оно могло пригласить любого подданного, чтобы узнать его мнение по какому-либо вопросу [2, р. 90].

В мемуарах А. Т. Кроуфорда, муниципального комиссара и коллектора Бомбея, напротив, проводится мысль о том, что колониальной администрации не следует игнорировать Конгресс, но она не должна поощрять его. «Конгресс возник из бурлящей грязи недовольства и нелояльности» [3, р. 90], и произошло это с позволения «единственного слабого вице-короля, который когда-либо был в Индии» [3, р. 79]. Таким образом, Кроуфорд, как и Кокс, полагал, что развитие ИНК было бы невозможным в случае противодействия властей. Кроуфорд видел в ИНК прямую угрозу порядку, установившемуся в индийских владениях Британской империи: «Простой „райат“ [крестьянин] сильно отстал от времени, но никто не знает, сколь разумным он сможет стать под руководством знаменитого „Национального конгресса“» [4, р. 206], поскольку тот распространял «анархические доктрины» [4, р. 274]. Негативное влияние Конгресса на ситуацию в Индии, по мнению Кроуфорда, проявилось в возникновении множества печатных изданий, оппозиционных правительству [3, р. 78–79], а также в распространении конгрессистской агитации в Великобритании, которая привела к появлению «марионеточных членов парламента» [4, р. 254] – сторонников ИНК.

Критика требований Конгресса встречается и в мемуарах высших должностных лиц британской администрации в Индии. Эндрю Фрэзер, вице-губернатор Бенгалии в 1903–1908 гг., выражал сожаление по поводу того, что «взгляды определенной части сравнительно образованных классов воспринимаются так, как если бы они представляли собой... „голос нации“» [5, р. 83]. Фрэзер считал, что единой индийской нации не существует, различные народы, населяющие страны, враждуют друг с другом, а потому британское правление необходимо для поддержания мира и прогресса. Требование ИНК о разделении судебных и исполнительных функций чиновников казалось Фрэзеру невыполнимым, так как в этом случае окружной магистрат мог потерять контроль над уголовным судопроизводством [5, р. 56].

Конгресс в воспоминаниях англо-индийских воспоминаниях часто предстает «обезличенным», однако в некоторых произведениях упоминаются те или иные деятели ИНК.

В частности, А. Кроуфорд пишет об английских лидерах Конгресса – генеральном секретаре А. О. Юме, председателе Британского комитета ИНК У. Уэддерберне и будущем лидере Индийского парламентского комитета Г. Коттоне («Дураки г-н А. О. Х., сэр У. У., г-н К.» [3, р. 90]), а Э. Кокс посвящает несколько страниц своей книги описанию судебных процессов против Б. Г. Тилака за его статьи в газете «Махратта» [2, р. 70–74].

Мемуары британских миссионеров описывают ИНК с иной, не характерной для воспоминаний колониальных чиновников, точки зрения. В миссионерской среде в большей степени было распространено положительное отношение к Конгрессу. В частности, методист Г. Ланн познакомился в Мадрасском президентстве со многими сторонниками ИНК и посетил сессию 1887 г., произведшую на него сильное впечатление [7, р. 23]. В работе Конгресса Ланн видел как положительные стороны (развитие национального самосознания, распространение в Индии западных идей), так и слабости, важнейшей среди которых была неспособность ИНК решать социальные проблемы Индии и отсутствие общих интересов в рядах организации [6, р. 15]. Ланн приводит и примеры того, как деятельность Конгресса препятствовала миссионерской работе, но воспринимает их как благоприятный «рост духа независимости со стороны туземцев» [6, р. 107].

Отношение ИНК к социальным вопросам рассматривал и другой английский миссионер, Дж. М. Митчелл. Он отмечал, что деятели Конгресса «яростно призывают к политическим переменам, но при этом не прошептали ни слова против огромного морального и социального зла» [8, р. 400]. Действительно, основатели ИНК не затрагивали социальные проблемы, поскольку, как справедливо замечал Г. Ланн, «по всем подобным вопросам Конгресс глубоко и резко разобщен» [6, р. 15]. Представители разных конфессий видели разные пути их решения, тогда как лидеры ИНК считали необходимым обсуждать вопросы, по которым мнение делегатов сессий было единым.

В целом, англо-индийские мемуары конца XIX – начала XX в. отражают противоречивое отношение этой части индийского общества к ИНК. Значительная часть англо-индийского сообщества (главным образом, чиновники Индийской гражданской службы) видела в деятельности Конгресса угрозу своему привилегированному положению, но были и те, кто воспринимал появление ИНК как результат прогресса, который принесло в Индию британское правление, и приобщения индийцев к европейской политической мысли.

1. Buda, J. K. The Literature of British India [Electronic resource] / J. K. Buda // Otsuma Women's University Faculty of Literature Annual Report. – 1985. – Vol. 17. – Mode of access: <http://www.f.waseda.jp/buda/texts/litindia.html>. – Date of access: 12.03.2021.
2. Cox, E. C. My thirty years in India / E. C. Cox. – London : Mills & Boon, 1909. – 306 p.
3. Crawford, A. T. Our troubles in Poona and the Deccan / A. T. Crawford – Westminster : Archibald Constable & Co., 1897. – XX, 253 p.
4. Crawford, A. T. Reminiscences of an Indian police official / A. T. Crawford – Westminster : Roxburghe Press, 1897. – XVIII, 285 p.
5. Fraser, A. Among Indian rajahs and ryots / A. Fraser. – London : Seeley & Co., 1911. – XV, 368 p.
6. Lunn, H. S. A Friend of Missions in India / H. S. Lunn. – London : James Clarke & Co., 1890. – XII, 140 p.
7. Lunn, H. S. Nearing harbour / H. S. Lunn. – London : Ivor Nickolson & Watson, 1934. – 328 p.
8. Mitchell, J. M. In Western India / J. M. Mitchell – Edinburgh : David Douglas, 1899. – XII, 405 p.

Мауль В. Я.

«МЫ ВМЕСТЕ ШЛИ С ЧИГИРИНЦАМИ...»

(«ЧИГИРИНСКИЙ ЗАГОВОР» В ВОСПОМИНАНИЯХ О. В. АПТЕКМАНА)

Важными источниками для изучения «Чигиринского заговора» 1876–1877 гг. и, особенно, его последствий могут стать воспоминания революционеров-народников, которые какое-то время провели бок о бок с крестьянскими вожаками нашумевшей истории в тюрьмах и на длинном этапном маршруте от Киева и Мценска до Иркутска и Якутии. Между тем, с этой целью историкам еще только предстоит ввести в научный оборот данный массив информации о событии, получившем большой общественный резонанс. В предлагаемой статье предпринимается первый исследовательский опыт подобного рода.

Среди авторов мемуарных произведений сплошь колоритные личности: Н. А. Виташевский, С. Ф. Ковалик, М. М. Чернавский, отчасти В. Г. Короленко, М. Ф. Фроленко и др. Каждый из них играл заметную роль в революционном движении, за что сполна заплатил долгими годами тюремного заточения, каторжных работ и последующей ссылкой. На несколько месяцев их жизненные траектории пересеклись с нелегкими судьбами украинских крестьян Е. А. Олейника, И. И. Пискового, К. И. Прудкого и Л. А. Тененика, незадолго до того вовлеченных в монархическую мистификацию членами народнического кружка «южных бунтарей» Я. В. Стефановичем, Л. Г. Дейчем